Окна в облаках

Автор:
Евгения Михайлова

Окна в облаках

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Высокий профессионализм и блестящий литературный талант Евгении Михайловой очаруют любого читателя. Ее романы уникальны, они переворачивают душу и заставляют чаще биться сердце. Евгения Михайлова – мастер социального детектива, в ее остросюжетных романах находят отражение самые актуальные проблемы современного российского общества.

Этот малыш – настоящий ангел. Ему угрожает смертельная опасность, но, может быть, общими усилиями близких удастся отвоевать его у смерти?

Марина старается не вмешиваться в чужие дела, но не может пройти мимо попавшей в беду девочки, и они обе оказываются в плену у коварного преступника. Счастье, что у Марины есть знакомый частный детектив – Сергей Кольцов, всегда готовый прийти на помощь…

Чересчур заботливая мать не позволяет Паше жениться на любимой девушке. Послушный сын подчиняется, но от судьбы не уйдешь: совершив причудливый пируэт, она снова ставит его перед выбором…

Евгения Михайлова много лет занималась журналистскими расследованиями. Героями ее публикаций становились невинно осужденные, воспитанники детских домов, люди, лишившиеся доброго имени, дома, надежды. И если порой в жизни борьба за справедливость терпит поражение, в остросюжетных рассказах Евгении Михайловой истина и любовь побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания.

Евгения Михайлова

Окна в облаках

Сборник рассказов

События и персонажи вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Михайлова Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Сардор

Миниатюрная женщина поставила у стены магазина открытую детскую коляску, взяла на руки мальчика лет четырех-пяти и вошла в торговый зал. Они выглядели живописной парой. Темно-русые волосы красиво облегали аккуратную голову женщины, на затылке они были стянуты резинкой. Гладкий лоб с красивыми бровями, над маской – серьезные и настороженные темно-синие

глаза. Женщина была в узких джинсах и свободной майке.

У малыша, который крепко обнимал ее за шею, под шапкой темных кудрей сияло очень светлое личико с распахнутыми черными очами. Женщина, казалось, легко несла ребенка на одной руке: он был очень худеньким. Они останавливались у витрин, она что-то выбирала и складывала в тележку на колесах. Иногда она о чем-то с ним разговаривала, спрашивала, советовалась. Если он хотел посмотреть, женщина ставила его на ножки, как хрустального. Тут же поднимала опять.

Ирина в то утро торопилась, впрочем, как всегда. Она, почти не глядя, брала продукты с привычных мест, с большим удовольствием кого-то обгоняла, опережала. Скрывала раздражение, если не сразу получалось. Люди так устали не столько друг от друга, сколько от этого нескончаемого, мистического плена. У Ирины за время пандемии выработалась удобная привычка: не видеть никого в упор, не слышать, не принюхиваться и, конечно, не вступать в контакт. Нет, у нее не было безумных фобий. Она просто избегала чужих неадекватных или озлобленных реакций.

Но когда в поле зрения попала эта пара – женщина с большим ребенком на руках, она не сразу смогла отвести взгляд. Что-то очень необычное было в обоих. Они не сливались с обстановкой. Не вписывались в серый ряд людей, существовали в каком-то особом луче святочной картинки.

Ира, обогнав всех, кого хотела, оказалась у кассы, оглянулась и обнаружила, что та женщина, ребенок, их тележка совсем близко, и позвала:

– Эй, идите сюда. Я вам заняла.

Синие глаза вспыхнули удивлением и благодарностью. Женщина с ребенком подошла к кассе. Ира заметила, как она устала от тяжести ребенка, духоты, напряжения.

И тут возник с претензиями пузатый мужик сзади. Завопил насчет «они не стояли», «я был за тобой» и тут же перешел на «понаехали всякие и нарожали»…

Женщина с ребенком уже расплачивалась, а Ира приблизилась вплотную к орущему товарищу и сунула ему под нос какие-то корочки.

– Ты понял? Это «Контрольнадзор». Сейчас только свистну, за тобой придут. Ты уже всех заплевал из-под своей рваной маски.

Идея с «Контрольнадзором» была проверена много раз и осечек не давала. Корочки с красивыми печатями Ире любовно изготовил в единственном экземпляре большой мастер рукоделия оператор Игорь. «Документ» впечатлял, а в данном случае мистификация вообще имела успех. Мужик чертыхнулся и ушел в конец очереди к другой кассе.

Когда Ирина вышла, ребенок уже сидел в своем экипаже. Продукты были уложены в рюкзак за спиной женщины, что-то она пристроила на сетку под коляской.

– Все нормально? – подошла к ним Ира.

– Да, спасибо вам огромное. Меня не столько очереди пугают, сколько оскорбления. Меня зовут Соня. А вас?

– Я Ирина. А как зовут самого красивого мальчика на свете?

– Сардор. Мой сыночек.

Ирина задумчиво смотрела на своего нового знакомого в коляске. Мальчик был не просто хорош. Он был слишком красивым для обычного здорового ребенка. Это о чем-то, наверное, говорит: нежное сияние бледной кожи, похожей на дорогой фарфор, тоненькие, хрупкие ножки-ручки. И эта коляска, без которой Соня и минуты ему не дает постоять.

Они медленно шли в одну сторону по направлению к домам. Говорили об общей ситуации, ценах, качестве продуктов, где что есть хорошего.

– Вы где живете? – спросила Ира, когда они приблизились к ее семнадцатиэтажному дому.

– Там, – показала Соня на кирпичный пятиэтажный дом за кустами и деревьями. – Мы снимаем комнату. Из Ташкента приехали.

– Это связано с ребенком? – неожиданно для себя самой спросила Ира. У нее было железное правило: не провоцировать ничьи рассказы о себе. Слишком много бед. Все не унесешь с собой.

– Да, – сухо ответила Соня. – Я тут пытаюсь… Прости, не хотелось бы рассказывать так, на улице. Так мы поехали? Еще раз спасибо большое за поддержку.

– Пока. Увидимся, – произнесла Ира.

Она сделала несколько шагов по направлению к своему подъезду, но вдруг оглянулась и догнала Соню.

– Подожди. Забыла совсем: я же хотела тебе свой мобильный оставить. Вдруг что-то нужно будет. Раз вы снимаете, понадобиться может что угодно.

– Как это… неожиданно, – произнесла Соня своим мелодичным голосом. Произношение у нее было идеально правильное. – Знакомых у нас на самом деле практически нет.

– А баба Тася? – вдруг звонко произнес Сардор. – У нас есть тут баба Тася.

– Да, конечно, – улыбнулась Соня. – У нас есть баба Тася, милый. Мы у нее и снимаем комнату, – объяснила она Ире. – И она на самом деле очень любит мальчика. Он ее тоже.

– Отлично, – бодро сказала Ира. – Значит, вы не совсем одни. А я сейчас живу одна. Моя дочка Катя в Самаре у моих родителей. Ей пять лет. Сардору тоже примерно столько?

– Да, – ответила Соня. – Ему четыре года, шесть месяцев и восемь дней.

– Как это мило, – растерянно произнесла Ира. – А я дни и месяцы так сразу и не посчитаю. Так набирай мой номер, я сохраню твой.

Дома Ира сразу полезла под холодный душ: в Москве стояла тропическая жарища. Существовать можно было при наличии относительно холодной воды из крана и душа, кондиционера и морозилки. Ирина даже мокрые полотенца время от времени клала в морозилку, чтобы потом накинуть на себя и работать. Она была автором и ведущей еженедельной получасовой телепередачи «Взрослым о детях».

В магазин сходила, теперь план такой: приготовить что-то вкусное, поесть, почитать новости в интернете, послушать музыку и как-то правильно подышать, чтобы родились свежие идеи, мысли и незатасканные слова.

Ирине надо было написать сценарий передачи о выборе дальнейшего пути выпускниками школы. О столь непростом выборе в усложненных до критических и драматических параметров обстоятельствах. Съемки в школе с математическим уклоном через два дня. С ребятами Ира уже познакомилась. Это взрослые, умные, просвещенные люди, которые ярче, честнее, откровеннее и смелее самих себя, какими станут, приобретя тяжкий груз жизненного опыта.

Ирина уверенно и последовательно выполняла свою программу, временами прикладывая кусочки льда из морозилки к вискам, глазам, губам. Все вроде получалось. Она уже видела и слышала свою передачу, ее текст органично звучал в кадре и за ним. И вдруг что-то как будто пронзило ее мозг. Она вновь увидела перед собой эту странную, почти нереальную картинку. Хрупкая синеглазая женщина осторожно ставит на ножки большого ребенка, похожего на нежный цветок. Потом опять поднимает на руки, прижимает к себе… К чему она это вспомнила? Да вот к чему. Отобранные герои передачи Ирины – это сильные, рослые, спортивные ребята и девочки. Им многие препятствия по плечу. А вот такой мальчик, как Сардор, какой у него может быть выбор? Что ему по плечу, этому неземному чуду? Ключевое слово «неземное». Земля – она для тех, кто способен хоть что-то и кого-то себе подчинить. Какая жестокая логика. У Иры даже голова разболелась от этих мыслей. Нет. Должны же быть коллективная сила, коллективный разум, коллективная жалость, чтобы не страдали самые слабые. Должны, но вряд ли существуют в отдельно взятой стране.

Но почему она постеснялась спросить, что с Сардором? Теперь будет мучиться. Ирина решила закончить работу и позвонить Соне. Но засиделась с небольшими перерывами на кофе до ночи. Закрыла компьютер, посмотрела на часы. Скоро

двенадцать. Звонить, конечно, поздно. Тогда завтра.

А в пять минут первого позвонил ее мобильный. Это была Соня.

– Ира, извини за поздний звонок, – голос у Сони был почти спокойный, но она как будто задыхалась от бега или быстрой ходьбы. – Мне не к кому больше обратиться. Я пыталась сама…

– Что случилось? Где вы?

– Мы на улице. На тротуаре между нашими домами. Там, где стоит зеленая будка. Мы тут уже час, ждем «Скорую», но никто не едет. Я сегодня работала поздно, позвонила домой, что уже возвращаюсь. А наша хозяйка Таисия Ивановна вышла с Сардором в коляске меня встречать. Мальчик никогда не спит, если меня нет. И такая беда. На них налетел парень на электросамокате. Сардор вылетел, ударился головой, ручка, говорит, болит, но ничего. А Таисия Ивановна встать не может. Острая боль. Мне кажется, у нее перелом шейки бедра. Я сразу вызвала «Скорую», потом еще звонила раз пять. Никого. Я подумала, может, мы как-то сумеем добраться домой. Я бы Таисию смогла поднять, наверное. А ты бы коляску повезла. Она целая. Если, конечно, такое возможно. Я не обижусь ни в каком случае.

– Господи, да о чем ты. Я иду. Только задержусь минут на десять, чтобы позвонить нормальным людям, которые смогут все организовать и прислать помощь. Нужны ведь две машины? В больницу с хирургическим отделением и в педиатрию, так?

– Нет, только первое. У Сардора нет переломов, серьезных повреждений. Таисия всегда боится, чтобы он не простудился, и даже в такую жару напяливает на него толстую шерстяную шапку. Это помогло. Сейчас ему нужна только я. А Таисию – да, в хирургию.

И вновь посреди ночи сердце Ирины пронзила яркая, драматичная картина, которая не вписывалась в ее опыт. Под светом фонаря тоненькая женщина крепко прижимала к себе ребенка, по светлому личику которого ползла струйка алой крови. У ее ног лежала грузная седая женщина и быстро говорила хриплым голосом между стонами:

– Ничего, моя деточка. Не бойся, Сардор. Нас заберут отсюда. Ты только не переживай. Мне не очень больно. О-о-о-ой, Сонечка. Они уже едут, наконец?

– Они едут, – подошла к ним Ирина. – Потерпите минут пять, Таисия Ивановна. Все будет хорошо.

Машина «Скорой» остановилась рядом через несколько минут. Оттуда вышел заведующий хирургическим отделением Николай Петрович, который был постоянным консультантом-экспертом в передачах Ирины. Его сотрудники переложили Таисию Ивановну на носилки.

– Я считаю, нам нужно обследовать ребенка, – произнес Николай Петрович, пристально глядя на Соню, которая прижимала Сардора так отчаянно, как будто боялась, что его вырвут у нее.

– Спасибо, – проговорила Соня. – Но моему сыну сейчас необходимо попасть домой, лечь в постель, принять свои лекарства. Ему нельзя волноваться, тревожиться, бояться. Я хорошо его осмотрела. У Сардора нет серьезных повреждений от падения. Но у нас большая, огромная проблема, с которой надо справляться самим каждую минуту. У мальчика «дырявое сердце», вы же понимаете, что это такое. Никто не берется за операцию.

– Да, конечно, – немного растерянно произнес Николай Петрович. – Врожденное отверстие в межпредсердечной перегородке… Что говорят специалисты?

– Что операция невозможна. У нас не одно отверстие, а пять. Они говорят, что это была бы не операция, а многочасовой эксперимент, который к тому же слишком дорого стоит. И что Сардор не вынесет этого. У него было четыре клинические смерти. Он возвращался только на мой голос.

Николай Петрович внимательно посмотрел в решительное лицо Сони и повернулся к Ире:

– Ирина, тут мать, наверное, права. Давайте мы вас довезем хотя бы до дома.

– Спасибо большое, Николай Петрович, – сказала Ира. – Их дом там, за деревом. Нам легче дойти пешком с коляской, чем загружаться в машину. Мне можно

будет навестить Таисию Ивановну?

– Конечно. Только со звонком. И лучше уже после операции. Будем на связи. А ребенка берегите. Под самокаты не надо попадать. К сожалению, это все, что я могу посоветовать.

Квартира Таисии Ивановны была двухкомнатной, чистой, очень скромно обставленной, но уютной. Красивые занавески на окнах, симпатичные светильники, кружевные салфетки ручного плетения.

Соня положила ребенка на диван в гостиной и, кажется, забыла об Ирине. Она совершенно выпала из действительности как отдельный человек. Соня стала действием, силой свыше, ангелом спасения Сардора. Ирина почти с благоговением смотрела, как нежно мать освобождала сына от одежды, как спокойно и ласково объясняла ему, что случилось, как им нужно сейчас поступить. Как ему следует дышать, как поможет теплая ванна, как станет лучше от лекарства, какой вкусный ужин Соня приготовит на тот случай, если ему захочется есть. Ребенок дал посмотреть свои ушибы, четко объяснил, где и как болит. У этого малыша была прекрасная дикция и такое умение ясно выражать свои мысли, какое у взрослого редко обнаружишь.

Пока Соня с Сардором были в ванной, Ира позвонила Николаю Петровичу и узнала, что они уже на месте. Таисию Ивановну устроили в маленькой одноместной палате. Боль сняли, она уснула. Рентген и все, что требуется для операции, оставили до утра.

– Как ребенок? – спросил Николай Петрович.

– Мне кажется, неплохо, – ответила Ира. – Он даже немного порозовел, когда Соня его уложила, осмотрела. Какой-то удивительный ребенок: он совершенно спокойно, четко, ясно отвечает на вопросы. Соня права: сотрясения мозга точно нет. Его не тошнит, он даже собирается поесть после ванны и лекарств.

– Это хорошие новости. Я желаю этим двоим хорошей ночи. Для них часы и минуты важнее, чем для большинства людей. На всякий случай оставьте матери мой телефон. Не мой профиль, но если что-то срочное, вдруг чем-то помогу.

Ирина попрощалась и вдруг даже не задумалась – застыла, как на ветру. Врач ведь сказал буквально следующее: минуты и часы Сардора очень важны, потому что их у него мало… И это для врача очевидно. И даже на него эта невероятная пара произвела сильное впечатление.

Самое острое и болезненное чувство – это сопереживание. Его труднее всего переносить, потому что настоящая жалость – она не для демонстрации, это твое личное дело, ее нужно умело скрывать, чтобы никого не унизить, не оскорбить ничьих надежд, не порадовать чужую беду.

Когда Соня вынесла из ванной Сардора в пушистом полотенце, Ирина весело помахала им из кухни:

– А я тут все нашла. И чай заварила, и даже сырники начинаю печь. Как вам такое?

– Отлично. Спасибо, – сказала Соня. – Нам еще нужно минут двадцать, чтобы все правильно сделать. Если Сардор после лекарства уснет, мы с тобой съедим твои сырники.

– Я не усну. Я буду, – голосок Сардора был тихим, хрустальным и как будто треснутым.

У Иры заныло в груди, когда она представила маленькое детское сердечко, пробитое пятью пулями злой судьбы.

– А никто без тебя и не собирается ничего есть, – бодро произнесла она.

Это была странная ночь – без времени. Ирина что-то делала на кухне. Просто сидела, стояла, смотрела в темный двор с какой-то бутафорской луной над деревьями. Она ни о чем не думала, не ждала, не торопилась. Ей совершенно не хотелось домой. Ирина была уместна именно здесь, сейчас, при нужном деле. Вот она сторожит свои сырники, закутанные в полотенце, чтобы не остыли. Ей так хочется покормить и развлечь этих двоих, скрасить их одиночество в мире здоровых, толстокожих и безразличных людей.

Соня пришла в кухню одна.

– Сардор уснул, – сказала она. – Кажется, сегодня пронесло.

– Ты говорила, было четыре клинические смерти…

– Да, мальчик четыре раза умирал, нас забирали в реанимацию, я умоляла оставить меня там с ним. Мне разрешали постоять за дверью, и так везло… Всякий раз, когда врач говорил, что реанимационные действия уже бесполезны, мне удавалось туда прорваться… Я просто брала его за ручки и звала… И он возвращался. Ты можешь мне не верить. Мне даже врачи, которые это видели, говорили, что никогда бы не поверили, если бы это не произошло на их глазах.

– Я не сомневаюсь, – сказала Ирина. – Разумеется, я верю. Я это почувствовала даже в магазине. Поймала на расстоянии эту невероятную связь двоих, которые спасают друг друга. Соня, вы оба так красиво говорите по-русски. Вы на самом деле живете в Ташкенте?

– Да, я там родилась. Сардор тоже. Но моя семья из Москвы. Родные оказались в Узбекистане в эвакуации во время войны. А потом так получилось, что не смогли вернуться. Я училась в Москве, в педагогическом, на факультете русского языка и литературы. Приехала к родителям, а меня там уже сосватали. Мой муж Умар – сын друга отца. Тебе это покажется диким, но папа как бы ему пообещал. Так я вышла замуж. Опущу подробности, но муж сразу поставил крест на моей работе. Зато родилось солнышко – Сардор, и это все оправдало, даже тяжелый характер мужа и мою к нему нелюбовь.

– Как твой муж воспринял болезнь Сардора?

– Как примитивное и жестокое существо. Это бракованный сын. У нас могут быть другие, здоровые, нормальные дети, мы не должны тратить на это беспомощное недоразумение ни деньги, ни свои жизни. В тот год, что мы жили вместе, он ни разу не подошел к ребенку.

– И ты уехала…

– Да. Оформила всякие направления в московские клиники и институты. Но они вообще не сработали. В лучшем случае мне объясняют, что операция невозможна и что она по организации и затратам только лишит надежды тех детей, у которых реально есть перспектива. Но я продолжаю обивать пороги. Я

скажу тебе, о чем я мечтаю. Для меня было бы великим и единственным счастьем, если бы мой мальчик прожил хоть год, хоть месяц совсем без боли. Он ведь лучше всех. Он – божество, которому я хочу просто служить. Это и есть смысл моей жизни.

Ирина была потрясена силой и неукротимостью этого чувства. Понятно, что дитя возвращается из-за грани на этот голос.

– На что вы живете? Муж помогает? – буднично спросила она.

– Я даю объявления по интернету. Частные уроки, подготовка к институту. И все, что придется. Этим вечером я мыла лестницы в одном доме. А муж… К сожалению, он нас нашел. Иногда приезжает, требует, чтобы я вернулась. Ему все равно как. Одна или с сыном.

Ирина ничего не услышала, но Соня сорвалась с места и на ходу объяснила:

– Сардор зовет.

Вернулись они вместе. Мальчик, розовый со сна, с ясными черными очами, как будто омытыми росой, в белой пушистой пижамке, казался чудесным ночным видением.

– Ира, – четко и ласково произнес он своим прелестным голоском, – давай твои сырники. Я помню. Я нечаянно уснул. И мы с мамой тебя любим. Когда ты привезешь нам бабу Тасю?

– Как только врач разрешит, – отчиталась Ира. – Я ему звонила, он сказал, что завтра ей сделает операцию, исправит косточку, которая сломалась. Мы ее заберем, когда ее немного полечат.

– Хорошо, – серьезно ответил Сардор.

Ира вернулась к себе к утру. Когда ребенок окончательно уснул после позднего перекуса, она еще долго говорила с Соней. Нужно срочно спать, завтра столько работы. Но она еще долго бродила по квартире, пытаясь ослабить путы того особого, яркого и трагического мира, в плену которого оказалась.

На следующее утро ее как будто разбудил собственный голос, который произнес два слова: Леон Петров. Это самый известный детский кардиохирург и руководитель клиники, в которую очень трудно попасть.

Ира вскочила, приняла душ, сварила черный кофе и села за компьютер. Прочитала биографию Петрова, нашла информацию о его семье. Так, есть. У Леона Артуровича внук – старшеклассник. Ира нашла его фотографию в Инстаграме. Красивый мальчик. Теперь нужно уточнить, в Москве ли он. Может быть в колледже Лондона, Нью-Йорка, еще где-то… Пишут, что в московской школе. Но Ира еще позвонила разным знакомым, которые знали эту семью: да, Артур, которого назвали в честь прадеда-академика, живет и учится в Москве.

Ирина сначала позвонила режиссеру и редактору, сказала им, что передаче чего-то не хватает и у нее идея. Снять в этой передаче сына или внука очень знаменитого и востребованного врача не в первом поколении, чтобы немного поговорить о семейных династиях: хочет ли современный подросток продолжать трудное дело или его, к примеру, больше привлекает бизнес, как прямой путь к успеху. Коллеги, как всегда, с ней согласились.

– Мне такого искать? – спросила редактор Света.

– Нет, я точно такого, как хотела, нашла. Это Артур Петров, внук детского кардиохирурга. Просто я сначала поговорю с Леоном Артуровичем, получу его согласие, потом тебе перезвоню.

Дозвониться до Петрова оказалось совсем просто. Ирина объяснила причину и добавила:

– Мне бы очень хотелось поговорить с вами еще до встречи с вашим внуком. Если вы в принципе не возражаете против самой идеи. Мне нужно почувствовать дух семьи, что ли.

– Я не возражаю, разумеется, хотя Артур у нас все решает сам. Скоро шестнадцать, это вам не хухры-мухры. Но если хотите встретиться со мной – пожалуйста. Мальчик у нас непростой, я мог бы подсказать, какие вопросы его больше всего волнуют.

– Спасибо огромное. Когда?

– Да хоть сегодня. У меня будет часовой перерыв между операциями после четырех.

Ирина много раз видела Леона Петрова по телевизору и на фото. Он обычно улыбался, говорил скупо: только информация и позитивная сторона своего дела. Ничего заумного, никаких подробностей и дань не очень частым, но очевидным успехам. Ирина запомнила одну его фразу из интервью:

– Такое получилось разделение труда. Нам достаются только самые сложные случаи. А они не оставляют возможностей для разговоров. Так что – труба зовет.

Человек, который встретил ее в кабинете главврача и директора клиники, был не таким крупным, каким казался в кадре. Не таким уверенным и совсем не таким спокойным. В глубоких морщинах на лбу – темные тучи забот и тревог. В пристальном взгляде небольших глаз что-то вроде настороженности. А улыбнулся Леон Артурович хорошо, крепко сжал в больших теплых ладонях обе ее руки.

Секретарша принесла им две большие кружки капучино и ароматное печенье с корицей.

– Люблю детскую еду, – сказал Леон Артурович. – Успокаивает. Так о чем вы хотите поговорить с Артуром?

Ирина объяснила. Ее собеседник задумался, а потом произнес:

– Это интересная мысль, конечно. Я бы за Артура не взялся отвечать. Мальчик на распутье, а мы не хотим ему ничего навязывать. Дело в том, что его мать, моя дочка, в его возрасте уже точно знала, что работа врача – ни за что. «Никогда я не буду работать там, где каждый день смерти. И жить так, как вы с мамой, не смогу. У нас в доме столько чужого горя». Варя и ее муж экономисты. Так что Артур вполне может выбрать бизнес. Там свои опасности, но это выбор человека.

Они очень интересно, плодотворно пообщались. Ирине нравились мужчины, которые с такой любовью говорят о детях и внуках, так тонко их понимают. И она сказала об этом Леону Артуровичу.

– Да, – рассмеялся он. – У нас с Артуром полное понимание. Почти. Часто после разговора с внуком я лезу в Гугл, чтобы узнать значение тех слов, которые сыплются из него, как пух с одуванчика. И чаще всего обнаруживаю, что очередное птичье и дурацкое слово имеет вполне ясный и приличный синоним, который плох лишь тем, что родился раньше мальчика и его друзей. А теперь, моя дорогая, скажите мне, зачем на самом деле вы пришли. С внуком мы вопрос решили.

Ирина вздрогнула и даже побледнела от неожиданности.

– Я понимаю, Леон Артурович, что к вам подбираются под разными предлогами. Но у меня на самом деле срочная передача, и ваш внук для сюжета и вывода нам очень нужен. Независимо ни от чего. А просьба на самом деле есть. Все никак не могла найти момент, чтобы ее озвучить.

– Ирина, просьбы, мольбы и часто требования с угрозами – это и есть моя жизнь между операциями. Вы разумный человек, я сразу скажу вам, как все обстоит. Я вынужден отказывать в девяноста девяти случаях из ста. Да, еще девяносто девять сотых. У нас небольшой коллектив, тщательно отобранные специалисты, каких много не бывает на земле. Мало коек, проблемы со всем, включая препараты, которые надо добывать. Я сам оперирую все меньше: собственное сердце стало сдавать. Мы берем лишь такие случаи: без нас погибнет, с нами сможет жить долго и счастливо. Я доступно объяснил?

– Более чем. Наверное, мне озвучивать свою просьбу бесполезно…

– Кто-то в семье? Ребенок?

– Нет, моя дочь здорова. Просто невероятный случай, мое потрясение. Я недавно даже не знала о существовании этого ребенка. Но не буду больше вас задерживать.

Ирина встала, надела дежурную улыбку и начала прощаться.

– Подождите, – вдруг задержал ее руку Леон Артурович. – Расскажите. У меня есть еще время.

Ирина на одном дыхании выпалила все, что знала о неземном мальчике Сардоре. Все, что чувствовала и думала. Показала копии документов, которые взяла у Сони. Петров ее не прерывал. Слушал молча. Посмотрел, нахмурившись, на снимки рентгена и выписки истории болезни.

– А теперь давайте я скажу, – произнес он. – Я все понял. Тот ваш врач был прав: скорее всего, ребенок нежизнеспособный. Мы никогда не делали настолько усложненной операции на перегородке… А давайте попробуем. Я только поговорю с одним моим хирургом: он молодой и отважный. Если согласится – я вам позвоню.

– Я не знаю, как вас благодарить… – растерянно произнесла Ира.

– И я тут ничего не знаю. Но сказать, что на меня подействовало больше всего? Мечта матери, чтобы ее сын узнал жизнь без боли. Мне вдруг самому так этого захотелось… А я очень давно не мечтаю. Да, как я понимаю, денег у матери нет. Мне понадобится время и на то, чтобы решить вопрос с благотворительными фондами. Речь о серьезной сумме.

– Я… тоже. Сколько смогу.

– Вы столько не сможете. Поберегите ваши деньги. Если у нас что-то получится – устроите праздник своему странному протеже. Игрушки, фрукты, все, что любит. Да, обязательно несколько пар очень теплых тапочек. Ножки должны быть в тепле. Как только я решу свои вопросы, вам позвонит Игорь Сергеевич Володин, хирург, сообщит, когда сможет принять ребенка на обследование. Это будет уже в стационаре. Он и назначит операцию… Я очень надеюсь, что он возьмется. Освобожу его от других пациентов. Документы оставьте.

Соня не могла произнести ни слова. Она выслушала Ирину, опустилась на табуретку в кухне и просто смотрела на нее такими огромными, потрясенными глазами, что Ира чуть не утонула в этих синих озерах.

– Ты только успокойся, – произнесла Ирина. – Не начинай себя накручивать. Мне тоже страшно. Но и надежда появилась. Проблем до операции много, нам нужно будет ждать и готовиться. Мы сделаем так, как я поступаю, начиная работу в новой интернет-программе. Просто выполняем команды и продвигаемся вперед. Ты согласна?

– Да, – прошептала Соня. – Скажи первую команду.

– Я скажу две. Первая – расслабиться и развлечь ребенка. Затем начинать его готовить. Объяснять, что он будет в клинике, в руках очень хороших людей, что операция – это не больно. Он просто уснет.

– Меня туда пустят?

– Я рассказала главврачу о том, что вас нельзя разлучать. Но хирург будет другой. Я поговорю с ним. Да, есть и третья команда: нам скоро забирать Таисию Ивановну. Нужно купить ходунки и всякое другое: мне врач продиктовал по телефону. Это тоже вас немного отвлечет.

– Да, конечно, – Соня облегченно вздохнула: значит, до их рокового события есть еще время на другие дела. – Я все помою, постираю, придумаю, что приготовить.

– Чур, готовлю я, – заявила Ирина. – Меня именно это отвлекает от всего.

– Хорошо. Спасибо. А Сардор сказал вчера, что к приезду бабы Таси он нарисует картину.

– Это вообще блеск. Я бы никогда не догадалась нарисовать картину. Да и не смогла бы. Не говоря о том, что Таисии Ивановне нужно, чтобы нарисовал именно Сардор. Ты немного пришла в себя?

– Я очень стараюсь, – ответила Соня. – Но, разумеется, я все буду делать как надо.

К возвращению Таисии Ивановны квартира благоухала и сияла чистотой. В кухне Ирина накрыла стол, расставила тарелочки с салатами из овощей и фруктов. Сардор ей сказал, что баба Тася очень полюбила авокадо, а это самый удобный компонент для любых салатов. В качестве горячего блюда Ира после совета с Сардором выбрала пожарские котлеты, старый рецепт которых нашла в интернете. Куриный фарш, яйцо, меленько порезанный чеснок, сливочное масло, сливки и батон, размоченный в молоке. Все это обвалять в сухариках. Получилась красота и, как сказал Сардор, «большая вкуснота». Котлеты ждали в духовке, осталось только разогреть. Соня купила белые розы и бутылку

шампанского. Они с сыном ждали свою бабу Тасю дома.

Ирина с медсестрой из отделения Николая Петровича помогли Таисии войти в квартиру. Довели до ее комнаты, уложили отдохнуть на диван. И тут она увидела большой лист картона на стене. Это была картина Сардора. На фоне белых и темно-синих облаков парил силуэт женщины в багровом наряде с развевающимися белыми волосами. Она протягивала вперед руки, ее глаза смотрели вверх… А там, в самом углу картины, стоял маленький человечек с копной темных кудрей. И под ним подпись САРДОР.

– Боже! – воскликнула Таисия Ивановна. – Что это за красота такая? Где мой любимый художник? Мне надо быстро его поцеловать.

Тут Сардор и выскочил из-за шкафа, где ждал свою музу. И побежал к бабе Тасе легко, почти как здоровый ребенок. Эти двое обнимались, будто после долгой разлуки. Удивительная способность ребенка – отмечать своей горячей любовью тех людей, которых он сам принимает в круг родных. Ире пришлось отвернуться, чтобы никто не увидел ее мокрых глаз. Они ведь сегодня собирались только веселиться.

Они праздновали. А потом пошли достаточно тяжелые будни: Таисия училась пользоваться ходунками, пыталась сама себя обслуживать. Соня рассказывала Ирине по телефону, как ей в этом помогает Сардор.

– Ты не представляешь. Я сама такое не могла бы представить. Он ее умывает, горшок за ней выносит, пытается кормить с ложечки, хотя она и сама может есть. Говорит: «Тебе нельзя тратить силы. У тебя есть Сардор».

– Когда речь о Сардоре, – произнесла Ирина, – я могу себе все представить. Даже самое невероятное. А я как раз собиралась сказать… Мне позвонил хирург Игорь Сергеевич. Он ждет Сардора в клинике через три дня. Операция будет тоже скоро. Он уточнит.

– Господи, нам же нужно собираться.

– Да. Я помогу. Соня, хочу тебя предупредить. Этот хирург достаточно суровый человек. Я начала разговор о том, что ты должна быть с Сардором, он даже не стал это обсуждать. Что-то сказал про одинаковые правила для всех и

разъединился. Торопился очень. Но ты не начинай волноваться, мы все решим. Я еще раз поговорю с Леоном Артуровичем.

Через три дня они приехали в клинику. Соня несла сумку с вещами мальчика, Ира держала в руке пакет с тапочками – пушистыми, мягкими, с мордочками животных сверху. Три пары: кролики, котики и собачки. Руки у Иры дрожали. Сардор шел сам. Их провели в закрытый отсек на третьем этаже. Там одна маленькая палата – для Сардора. Операционная напротив – по диагонали. Их встретил высокий человек: из-под шапочки хирурга видна прядь светлых волос, а глаза неожиданно темные и холодные.

– Добрый день, – произнес он. – Я Володин Игорь Сергеевич, хирург. Надеюсь на разумное сотрудничество, – он требовательно посмотрел на Соню. Затем наклонился к Сардору и протянул ему руку: – Будем знакомы, Сардор. Для тебя я просто Игорь. Мы с тобой мужчины, и мы должны быть вместе в этой борьбе. Ты меня понял?

– Да, – мягко ответил Сардор. – Я буду с тобой в борьбе.

Хирург так быстро ушел, что Ира не смогла с ним поговорить о том, чтобы Соня осталась.

– По крайней мере он не сказал, чтобы ты уходила, – постаралась бодро заметить она.

Они вошли в палату, где санитарка стелила белье на кровати у окна. Она показала им тумбочку и шкаф, куда можно повесить одежду Сардора.

– Я его мама, – сказала ей Соня. – Я с ним останусь?

– Такое я не решаю. Раз доктор не велел тебе уходить – побудь. Он скажет, если что.

Соня осталась раскладывать вещи, переодела Сардора в пижаму, которую они принесли с собой. Ира шепнула ей «будь на связи» и отправилась в кабинет Петрова. Удачная, как ей казалось, идея осенила ее буквально сейчас.

Леон Артурович был у себя, отмахнулся от горячих выражений благодарности:

– Давайте без этого, ладно? Там все в порядке? Ребенка устроили, с хирургом познакомились?

– Да. Очень серьезный человек. И видно, как он занят. Я даже не успела поговорить о том, что Соня должна оставаться с Сардором. Что это жизненно важно. Я подумала, может, лучше, если это вы скажете?

– Ирина, прошу понять меня правильно. Мои полномочия закончились. В ситуации появился главнокомандующий. Он оставил других пациентов, выделил ребенку особую палату. Там наша операционная для исключительных случаев. Рядом реанимация. Строжайший порядок, идеальная чистота. Это все залог успеха. Я к тому, что вопрос с матерью может решить только он. Что-то еще?

– Да. Просьба от нашего канала: вы разрешите нам что-то снимать – до операции, может, после? Это ведь не просто уникальная операция, это еще благородная, полностью благотворительная акция. Мы подумали, что репортаж помог бы вашему делу. Все, чем можем отблагодарить. Вы разрешите?

– Я не возражаю, конечно. Мы в своей практике встречаемся только с претензиями. Да, думаю, это было бы неплохо.

– Так вы подпишете разрешение на съемку?

– Конечно. Но с Володиным тоже согласуйте. Надеюсь, мы все поладим, – Петров улыбнулся и встал, давая понять, что разговор закончен.

Вечером Ирина позвонила Соне:

– Как там у вас?

– Хирург осмотрел Сардора. Раньше его возили на обследование. Со мной вообще не говорит. Я стояла в коридоре. Он сказал, обращаясь к нянечке: «Палату перед сном помыть и проветрить. Кондиционер не включайте. И ребенок должен быть один. Проследите». И ушел. Я спросила у нянечки: это не значит, что меня выгоняют из клиники? Она говорит: врач сказал, чтобы ребенок

был один в палате. Сиди, раз тебя не гонят. Там в конце коридора есть диванчик. Сейчас она мне еду какую-то принесла. Я зашла к Сардору поцеловать его на ночь и сказала, что буду спать за дверью. Но меня трясет от страха.

– Да, проблема. Но есть и хорошие новости. Петров разрешил съемку в день операции. Я это придумала, чтобы хирург и ответственность понял, и захотел себя проявить чутким, гуманным человеком. Не знаю, как ему объяснить про вашу мистическую связь. Он не похож на человека, который в такое верит.

Соня прожила на птичьих правах на маленьком диванчике в коридоре два дня до операции. К ребенку заглядывала при любой возможности. Иногда по коридору проходил Игорь Сергеевич. Он или делал вид, будто не видит ее, или на самом деле не замечал.

В день операции рано утром в отделении началась генеральная уборка. Соня попросила швабру, тряпку и приняла участие. К десяти часам приехала Ирина со съемочной группой. Показали разрешение директора, поставили свет. Ирина вошла с микрофоном к Сардору. Оператор успел снять его бледное, но обрадованное, приветливое личико. И тут в палату вошел Володин.

– Попрошу выйти на минуту для разговора, – произнес он.

Ира сделала знак оператору выключить камеру, вышла. Володин отвел ее в сторону и не сказал, а скомандовал побелевшими от ярости губами:

– Вы на чем решили свои шоу строить? На последнем шансе ребенка? На моем риске оборвать эту жизнь прямо сейчас? Сворачивайте свой балаган и убирайтесь. В противном случае я все отменяю.

– Но… Леон Артурович подписал…

– Так бегите за ним. Пусть идет сюда и готовится к операции. Мой план он видел. Справится.

Ира была в ужасе. Ни с чем подобным она никогда не сталкивалась. Но и ситуации такой она даже не могла себе представить. Краем глаза она видела Соню с белым лицом и прижатыми к груди руками. Решение приняла мгновенно.

– Мы уходим. Приношу вам свои извинения. Я потом смогу навестить Сардора? Это очень важный для меня ребенок.

– Потом решим. Если у нас будет потом.

– Игорь Сергеевич, еще секунду. Вам Леон Артурович говорил о том, что Сардор был в клинической смерти и что он возвращался на голос матери?

– У меня больше нет секунд, которые я мог бы на вас потратить. Много серьезных дел. И знаете что: оставьте эти розовые слюни для своих передач. Пациент должен вернуться не на голос матери, а потому что хирург все сделал верно.

Группа уехала. Операция началась. Соня на своем диванчике скрутилась в комок, чтобы не быть заметной вообще. Ире она звонила из туалета. Так прошло двенадцать часов. Ире казалось, что она при каждом взгляде на циферблат, на телефон теряет сознание. Вечером она пошла помочь Таисии Ивановне. Та просто рыдала в голос и кричала: что вы натворили. Он ходил, смеялся, он ел и рисовал… Чем вам все это помешало…

Есть Таисия отказалась, выпила болеутоляющее и две снотворные таблетки. Ира вернулась к себе, когда она уснула. Прошла сквозь глухую и немую ночь. В квартире посмотрела на свой телефон: может, он разрядился? Нет. Просто никто не звонил. Ничего более зловещего, чем этот онемевший телефон, Ира, кажется, не видела. Он теперь может взорваться только бедой. Столько часов прошло…

Соня позвонила на рассвете.

– Ира, – прошептала она. – Звоню опять из туалета. Ирочка! Все прошло! Мы есть! Игорь сказал: операция прошла в заданном режиме. И еще… Ты не поверишь. Когда Сардора увезли в реанимацию, хирург подошел ко мне. Он сказал: «Расскажите мне о вашем опыте с клинической смертью Сардора. Только коротко». Я рассказала: меня пускали в реанимацию, и я звала… Ира, он повел меня в реанимацию. Сардора уже выводили из наркоза. Я тихонько позвала, он даже глазки еще не открыл, но ручку поднял и пальчиками пошевелил…

– Сонечка. У меня нет слов. Я сейчас разъединюсь, иначе взорвусь от рыданий. Сардор еще в реанимации?

– Да. И я иду туда. Буду стоять за дверью. Она стеклянная, мне все видно. Меня никто не гонит!

Так все они вступили в странное, нереально светлое время. Ребенок был очень слаб, но он становился крепче и увереннее с каждым днем. И, самое главное, отступило и начало таять то грозовое облако беды, которое раньше чувствовал любой рядом с Сардором. В клинике Петрова мальчик стал всеобщим любимцем. Его навещали врачи из других отделений, все старались сказать что-то ободряющее. Медсестры прибегали, чтобы положить на тумбочку что-то вкусное.

– Это наш принц, – гордо заявляла всем нянечка Даша.

Однажды Ира, войдя в палату к Сардору, обнаружила у его кроватки Леона Артуровича. Он держал мальчика за руку и говорил ему что-то ласковое. Почти смутился, увидев Иру:

– Захожу посмотреть на героя. Думаю: может, где-то продается медаль за храбрость? Я бы ему купил. Вижу, у вас есть коллекция теплых тапочек. Начинайте потихоньку гулять, выходите в коридор. Но не давайте ему уставать.

Ира вышла вместе с ним из палаты:

– Леон Артурович, я просто дилетант, но как вы считаете: операция была успешной?

– Более чем, – уверенно сказал Петров. – Сейчас все дело в уходе и восстановлении. Дальше начнет работать возраст. Самое сложное для мальчика – перерасти свои проблемы. Перегородочка уже справляется, потом окрепший организм станет работать на силу сердца. Да, хотел вам сказать. Я в курсе, что Володин выгнал вас с группой. Он такой. Но справедливости ради скажу по секрету. Для него это очень важное дело. Он перед операцией закупил за свои деньги самые дорогие и дефицитные у нас препараты. Те, которые клиника не может заказать и получить официально.

– Господи, да я не в обиде. Поняла, что это необычный человек. Он мать пустил в реанимацию.

Они гуляли с Сардором по коридору, меняя тапочки с мордочками животных. Он нежно щебетал, смеялся, глядя на свои ножки с ушами и глазками.

Когда Сардора выписывали, в коридоре собралось много желающих попрощаться, пожелать здоровья. Последним вошел своей решительной походкой Игорь Сергеевич. Соня уже держала Сардора на руках. Врач взял его ручку в свои ладони и произнес:

– Пока, мой маленький и очень большой друг. Ты едешь домой, мы будем видеться с тобой иногда. Запомни: ты мне очень нужен. Я не позволю вернуться твоей боли. – Он посмотрел на Соню: – Софья, вы разрешите мне навестить как-нибудь Сардора?

– Она разрешит! – звонко ответил за маму мальчик. – Мама, пусть Игорь к нам приходит? Скажи же ему – да.

– Да, конечно, – улыбнулась Соня и подняла взмокшие ресницы над синими глазами.

Ребенок открывал для себя мир, который так долго не мог прочувствовать своим изувеченным сердечком. Он узнавал азарт быстрой ходьбы и даже бега, пытался улетать в прыжок. И эта всеобщая любовь, внимание, подарки… Так они встречали пятилетие Сардора. Как самый главный праздник этой маленькой и такой драматичной жизни-борьбы.

Вечером они собрались уже не в кухне – там было мало места, а в гостиной Таисии Ивановны. Пришла нянечка Даша из клиники с огромным плюшевым медведем. И главный гость – хирург Игорь. Так его теперь в этом доме называли все – Сардор, Соня, Таисия Ивановна.

Телефон Сони ожил в разгар веселья. Ира видела, как Соня взглянула на дисплей и тревожно нахмурилась. Она ответила. Встала из-за стола и перешла в прихожую. Ирина, которая уже привыкла к своему постоянному делу – страховать Соню, – двинулась за ней.

– Да, спасибо, что позвонил. Я обязательно ему передам твои поздравления. Сейчас Сардор уже лег спать. Так ты знаешь? Таисия мне не говорила, что ты

звонил. Да, операция, кажется, прошла успешно. Мой мальчик живет сейчас, как и положено выздоравливающему ребенку… Ну, это пока никто не скажет. На длительный срок никто не дает прогноза. Но есть вероятность, что все перерастет, он со всем справится… Нет, конечно. Как мы можем сейчас уехать из Москвы? Сын тут под особым наблюдением… Извини, Умар, я больше не могу сейчас говорить. Звони, пока.

– Муж? – уточнила у Сони Ира.

– Да, – морщинка между бровями Сони стала еще глубже. – Он, оказывается, уже звонил Таисии, знает про операцию, в курсе, что все прошло хорошо, и требует, чтобы мы возвращались в Ташкент.

– Но ты объяснила.

– Ему ничего нельзя объяснить. Меня испугал его требовательный тон… Отвыкла, наверное.

Последующие яркие, солнечные дни стерли тягостное воспоминание об этом звонке. По крайней мере, Ирина уже наутро увидела все совершенно в другом свете. Муж Сони – тяжелый человек, но все его участие в происходящем на протяжении их трехлетнего пребывания в Москве – это такие звонки. Просто желание заявить, что он все еще муж и отец. В конце концов он уязвлен уже тем, что все это время живет без семьи. Молодой мужчина. Скорее всего, ему нужна именно Соня, Сардора он ведь не замечал в тот год, что они жили вместе. Он даже был против лечения больного ребенка. Хотел других, здоровых. Да, конечно, это просто мужская амбиция, голословная претензия на власть. Соня от него никак не зависит. Она совершенно самостоятельная и просто не нашла пока возможности развестись.

Ире казалось, что и Соня совсем успокоилась через несколько дней после того телефонного разговора. Она подписалась на большое количество часов репетиторства. По-прежнему круглосуточно бегала на любую подработку. Ребенку скоро понадобятся абонементы в бассейн, в спортивный зал. Нужны дорогие препараты.

Соня работала в тот вечер на другом конце Москвы. Таисия Ивановна позвонила в истерике и панике всем, кому могла: Соне, Ире, Игорю, даже нянечке Даше…

Рассказала такое, что все оцепенели в ужасе. Умар позвонил ей сначала по телефону, сообщил, что он по делу в Москве, спросил, где Соня. Потом сказал:

– Раз работает, не надо ей мешать. Разрешите мне, пожалуйста, повидаться с сыном. Я ненадолго. Может, и Соня скоро вернется. Если будет поздно, я уеду, потом ей позвоню.

Таисии Ивановне даже в голову не пришло, что в такой ситуации можно отказать отцу. Соня с ней особенно не делилась подробностями семейных отношений. Она объяснила, как к ним доехать. А сама отправилась на кухню готовить сытный ужин мужчине, которому предстоит дальняя дорога.

Умар вошел, поздоровался, сразу позвал Сардора. Мальчик робко вышел из своей комнаты, отец к нему не прикоснулся, только придирчиво осмотрел и кивнул.

– Ну, здравствуй. Забыл меня? Ничего, сейчас вспомнишь. Пойдем, расскажешь, как твои дела.

Таисия оставила их на диване в гостиной, а сама накрывала на кухне стол, расставляла приборы вокруг блюда с приготовленной едой. Она не торопилась: пусть поговорят о своем без посторонних ушей. Вдруг ей послышалось, что хлопнула входная дверь. Подумала: наверное, Соня пришла. Направилась, все еще прихрамывая, в прихожую. Она оказалась пустой. Таисия вошла в гостиную – там тоже никого. В страхе и почти в безумии она обошла все помещения квартиры и лишь потом выглянула в окно. В свете фонаря она увидела, как от их подъезда отъехала машина. Синяя, это все, что она увидела. Стала звонить, рассказывала, задыхаясь и плача.

Потом время ушло на перезвон. Ира – Соне. Соня – Игорю, Игорь – ей.

– У меня пациент уже в операционной с анестезиологом, – сказал Игорь Соне. – Отменить ничего не могу.

– Мне звонить в полицию?

– Это ничего не даст. Он родной отец, они не бросятся догонять. Подожди. Я позвоню своему приятелю, он частный детектив, работает с отделом убийств и

похищений.

– Ой.

– Просто такое название. Не тратим время. Если у меня получится, Сергей тебе позвонит. Он что-то придумает. Бери трубку на звонок с незнакомого номера. Последние цифры 25.

Пока Игорь искал своего частного детектива и общался с ним, Ира заехала за Соней. Та вышла из высотки, в которую ездила помогать парализованной старухе, и тряслась посреди двора.

– Не звонил никто? – спросила Ира.

– Еще нет. У Игоря все время занято, наверное, или общается, или дозванивается.

– Пойдем в машину, а то как-то холодно тут стало. Наверное, от нашего страха.

Вскоре телефон Сони затрезвонил. Человек представился Сергеем Кольцовым, частным детективом и другом Володина.

– Софья, не будем тратить время. Мне Игорь все объяснил. Я связался с руководителем отдела, с которым работаю, они уже получили всю информацию у вашей квартирной хозяйки. Сейчас работают по адресу: прослеживают маршрут. Задача – обнаружить и остановить машину. Игорь сказал, что малыш должен сразу вас увидеть. Это для него жизненно важно. Скажите, где вы, я вас заберу.

– Запомните адрес? Мы тут во дворе. Моей подруге можно будет поехать за нами? Она на своей машине. Она журналистка.

– Конечно. Ждите.

…Операция удалась. Когда Сергей Кольцов и Соня вышли из машины на границе Подмосковья, там группа полицейских уже окружила синий автомобиль. Умар и еще какой-то человек показывали документы. Умар возмущенно говорил:

– Это мой сын. В чем дело? Мы едем домой.

Сергей Кольцов открыл дверь, нырнул в машину и вынес с заднего сиденья мальчика, который то ли спал, то ли был без сознания. К ним бросились Соня и подъехавшая Ирина.

– Надо, чтобы Игорь срочно прислал за ним «Скорую», – сказала Ира.

– Но он на операции, – проговорила Соня белыми губами.

И тут Игорь позвонил ей сам.

– У меня тут пауза. Скажи точно, где вы, спроси у Сережи… Так. До нас очень далеко. Я звоню в «Скорую», чтобы отвезли в ближайшую больницу. Я освобожусь через сорок минут и сразу туда. Пришли мне эсэмэс с места. Успокойся, все будет хорошо. Как только ребенок придет в себя, я заберу его к себе.

Сардора перенесли в машину Кольцова, положили на колени Соне, она сразу стала греть холодные ручки губами. А Сергей подошел к Умару:

– Быстро говори: ты что-то давал ребенку? Снотворное, наркотик?

– Я ничего…

– Врешь, по глазам вижу. Если не скажешь сейчас, поедешь в отдел похищений и убийств, там хорошо вспоминается.

– Мне дали в аптеке лекарство, что-то типа аспирина. Я просил, чтобы ребенок успокоился.

– Тупая ты скотина. Ребята, составьте полный протокол. Больше не тратим на него время. Потом найдем этого отца. Как только мать напишет заявление, дело будет возбуждено мгновенно. Статьи на выбор или в комплекте: похищение, доведение здоровья ребенка до ухудшения, покушение на убийство. И я – главный свидетель, что для подозреваемого и есть самое приятное.

Подъехала «Скорая». Соня с Сардором перебрались туда. Ира и Кольцов поехали сзади, кортежем.

В этой обычной городской больнице все и было как в обычной городской больнице, где поток и все немного лишние. В приемном покое дежурный врач и медсестра приняли Сардора, повезли на носилках. Врач от объяснений Ирины отмахнулся: «Мне Володин все сказал». О том, чтобы в реанимацию пустили Соню, не было и речи. С женщинами вообще не стали говорить. Врач выслушал Кольцова и сказал:

– Ладно. Пусть постоит в коридоре. Молча. Под вашу ответственность. У нас реанимационные действия, нам не до глупостей.

– Ты мне звони из этого коридора, – шепнула Ира. – Мы будем тут. Встретим Игоря. Надо просто продержаться до его приезда.

Соня кивнула и пошла за носилками странной, механической походкой. Ее как будто льдом сковало.

Ирина отсчитала сорок минут от разговора с Игорем и позвонила в его приемную, спросила, закончилась ли операция хирурга Володина. Ей ответили, что есть осложнения, все немного сдвигается… Кольцов вывел ее во двор, и она стала быстро ходить там по дорожке, чтобы укротить нетерпение. Постоянно вынимала телефон, проверяла сообщения и звонки. Что-то было, но все не то.

Прошел примерно час. Наконец позвонила Соня.

– Они сказали, что Сардор пришел в себя. Я пыталась объяснить, что мне нужно к нему на минуту… Меня никто не слушает. Грозятся выгнать из коридора.

– Потерпи чуть-чуть, – сказала Ира. – Не ссорься ни с кем. Я дозвонилась до Игоря. Он в пути. Говорит, вот-вот… Только пробка небольшая.

Володин выскочил из машины, пробежал мимо Ирины и Кольцова. В приемном покое показал свое удостоверение и задал вопрос: «Где ребенок Сардор Абзалов?» Ему ответили, он побежал по лестнице, обойдя лифт.

В коридоре уже выключили лампы на потолке, оставили только одну на стене. В ее тусклом свете Игорь увидел одинокую маленькую фигурку. Она была совершенно неподвижной. Вокруг нее уже не могло быть ничего живого. Соня стояла на поле своего великого горя и бесконечного одиночества. Объяснения уже не требовались.

Игорь подошел и обнял ее за плечи. Они так стояли, кажется, вечность. Потом она произнесла:

– Он на самом деле пришел в себя. Даже нашел меня взглядом за этим стеклом. Я видела, как он поднял ручку. Потом они потушили свет. Сначала все ушли. Потом сестра вернулась проверить… Его уже не было, Игорь. Мой мальчик улетел, оставив меня гореть в этом бесчеловечном аду.

– Послушай меня, моя дорогая. Я понимаю, что не в состоянии тебя утешить. Я и себя не могу утешить. Я скажу одно: там не больно. Там не страшно. Попробуй принять только эту мысль.

Они все просидели на скамейке во дворе больницы до рассвета. Несчастье Сони было слишком тяжелым, чтобы с ним можно было сдвинуться с места. Они там стали содружеством горя и скорби.

К утру Ира позвонила Таисии Ивановне, услышав ее рыдания, заплакала сама.

– Соня, нам надо ехать к ней. Она в таком состоянии, что может случиться всякое. Еще и винит себя.

– Давайте так поступим, – встал Игорь. – Ирина, Сергей вас отвезет к Таисии Ивановне, а мы с Соней поедем туда, где она спала на диванчике в коридоре и была счастлива. В мою клинику. У меня там есть что-то вроде дворницкой, я часто остаюсь там переночевать. Соня, ты согласна с тем, что нам нельзя сейчас расстаться?

Соня просто кивнула.

Она позвонила Ирине поздно вечером следующего дня.

– Ира, извини, что пропала. Мы с Игорем в его дворницкой. Я тут прилипла к нему и оторвать себя не могу. Да, знаешь, он после операции Сардора расстался с женой. Говорит, из-за нас. Хотел быть с нами, но не мог признаться… А этой ночью я услышала, как ветер стукнул в окно, посмотрела… Там был Сардор, он смотрел издалека, он говорил взглядом: «Мне не больно». Ты мне веришь?

– Как я могу тебе не верить, подружка моя невероятная. Игорь ушел в дворницкую из-за вас. А мне все кажется, что у меня пробитое сердце. Из-за вас. Да, там не больно. И наш мальчик узнал свое настоящее маленькое счастье. Мы все этим богаты. Выплачем свои слезы и будем жить дальше. Как хорошо, что ты прилепилась именно к Игорю. Он врач и воин.

В спальне Ирина подошла к окну и раздвинула темные тяжелые шторы, которые так тщательно задергивала каждый вечер, чтобы не допустить к своему покою даже крошечного просвета беспокойного и навязчивого мира. Но в эту ночь она должна быть на связи. Может, к ней заглянет звезда Сардор, проплывет мимо нее облако Сардор, нежно коснется лица и губ детской ладошкой лунный луч Сардор.

Так и случилось.

Папин дочь

Мама называла Марину «принцессой на горошине». Когда малышка еще не умела говорить, начинала вдруг кричать и крутиться в своей кроватке, мама сначала пугалась, мерила температуру, давала теплое питье, баюкала, успокаивала, но однажды решила перетряхнуть постель и обнаружила под простынкой ребенка маленькую сухую крошку. Убрала ее, положила дочку, и та сразу блаженно уснула. С тех пор родители бдительно следили, чтобы под ребенком не было ни одной складочки, никакой соринки. И убедились в том, что у них едва ли не самый спокойный ребенок на свете.

Сейчас Марине тридцать восемь лет, она дизайнер-оформитель, известный в профессиональных кругах, мать девочки-подростка, которая живет у бабушки в Болгарии, и бывшая жена человека привлекательного, но слишком слабого, нелепого и неприспособленного к осмысленной, упорядоченной жизни. Может,

Марина и приняла бы все это, если бы не воспаленные реакции ее мужа Кирилла по совсем не вопиющим поводам. Иногда ее посещало подозрение, что Кирилл сильно сомневается в ее любви и собственной нужности. Брак Марины не получился, вероятно, и потому, что она была слишком ориентирована на свой идеал – семью родителей. На хранителя и защитника покоя дома – отца. Ее обожали так нежно, бессонно, безгранично и в то же время с таким уважением, умом, тактом и пониманием, что Марина, возможно, исчерпала отпущенный ей судьбой лимит любви. Она очень старалась, но не смогла проникнуться подобным чувством к своему слишком обычному мужу. И после неудачного замужества, из которого выбиралась с боями и муками, она стала настолько подозрительной и осторожной, что не было и мысли пробовать еще.

Рядом с ее компьютером на столе всегда стоит снимок: молодые мужчина и женщина с двух сторон обнимают ребенка лет пяти. Это очаровательная девочка с большими глазами, чуть вздернутым носиком и выражением спокойной уверенности на круглом личике с челкой. Она в забавном комбинезоне и полосатой кофточке, напоминающей тельняшку моряка. Да, Марина в детстве носила одежду, как для мальчика. Это нравилось и ей, и маме – главным образом потому, что отец называл Марину: «папин дочь». Он страстно ждал сына, но увидев новорожденную девочку, полюбил ее с отчаянием человека, чье время на земле ограничено. Папа Марины был летчиком, самолет которого разбился во время учений. После множества операций он вернулся домой, с тоской ожидая лишь тягостного, мучительного выживания. И вдруг стал отцом. И наделил свое дитя всеми возможными достоинствами. Его дочь была одна такая, даже лучше сына, о котором он мечтал.

Марина взяла в руки снимок и рассмеялась. Эти тельняшки, разные штанишки, машины рядом с куклами были их с мамой игрой и подарком папе за его немыслимую любовь. Марина даже перенимала у мальчишек их повадки и словечки. Папу это смешило и радовало. На самом деле родители были уверены в том, что их девочка – самая нежная, чувствительная и хрупкая из всех детей на свете, ее защита была их навязчивой идеей. Боже, как же к этому привыкаешь – к бесконечной, безграничной, ежесекундной защите тех, для кого нет ничего дороже твоего слова, дыхания, взгляда. Это самая трагичная зависимость, потому что однажды крепостная стена защиты растает вместе с главными, единственными хранителями такой драгоценности, как ты. Всем остальным людям на Земле невдомек, что ты такой бриллиант в раритетной оправе.

Папа Марины умер, когда она была на первом курсе института. Они с мамой готовились к такому исходу: давно откладывали понемногу деньги и купили маленький, уютный домик в Болгарии, чтобы мама, став вдовой, уехала в тихое место у моря, где меньше напоминаний о горе. А у Марины тоже появится выбор и приют для отдыха и на случай любой беды. Приют пригодился дочери Аленьке, которая безумно любила море и вернула безутешной бабушке счастливые времена детства самой Марины.

…В то утро Марина работала над сложным эскизом. Все было: и желание, и вдохновение. И вроде нормально получалось, но какой-то детали не хватало, что делало работу безупречной для постороннего взгляда и ущербной для самой Марины. Можно показывать заказчику, и ему понравится, вне всякого сомнения. Она учла и облагородила все его пожелания. Но то, чего не хватает, станет терзать ее, мешая всем остальным делам. А время уйдет, люди начнут работать, исправить уже будет нельзя.

Марина прошла в кухню, плюхнула в чашку очередные ложки растворимого кофе, подняла тяжелый электрочайник с кипятком, и в этот момент та самая идея мелькнула перед глазами, как райская птичка. Марина сначала ахнула, потом пролила кипяток мимо чашки, ошпарив два пальца правой руки.

В их аптечке есть все виды мазей и бальзамов, пластыри и бинты. Марина знает, спасибо интернету, все способы лечения любых травм и повреждений. А это всего лишь небольшой ожог. Но муки Марины трудно описать словами. У нее немыслимо низкий болевой порог. Вот почему она принцесса на горошине.

Любая царапина доставляла Марине настоящие страдания. Она с изумлением смотрела на подруг, которые бегали в тесных туфлях на высоких каблуках, не замечая, что пятка растерта до крови. Для Марины маленький волдырь на пятке – это практически инвалидность на несколько дней. Она была совершенно здоровой по формальным показателям. Но когда у нее начинались критические дни, мама договаривалась с классным руководителем, оставляла дочь дома и вызывала домашнего врача, потому что у девочки были обмороки и панические атаки от естественной в принципе боли. Такое постороннему врачу не объяснишь. А бригада «Скорой» вообще обругает и опозорит.

Таким был их семейный секрет. «Папин дочь» в задорных штанишках и тельняшках, с вызывающе вздернутым носиком, на самом деле была самой нежной девочкой и постоянно до судорог боялась любой боли, даже той,

которую большинство людей просто не замечает.

На борьбу с болью ошпаренных пальцев у Марины ушло не меньше двух часов. После чего она все же выпила лошадиную дозу кофе и вернула то мелькнувшее видение. Оказалось, что это не просто недостающая деталь, а маленькая звезда проекта, осветившая и изменившая все. Марина быстро довела работу до кондиции, договорилась с заказчиком встретиться в офисе и решила поехать на такси. Ей было страшно подумать о том, чтобы коснуться руля своими обожженными пальцами. Заказчик все оценил, пришел в восторг. Марина после его ухода еще немного поработала, затем опять вызвала такси – ехать домой. Вышла на улицу: уже стемнело, она встала под фонарем. Обычно такси приезжает в течение трех минут. Но на этот раз прошло больше четверти часа, а ей даже никто не позвонил. Она прошла немного вдоль проезжей части: вдруг поблизости стоит пустое такси. Слева был полудикий сквер. Рядом с его оградой замерла машина с козырьком: такси. И что-то странное там происходило. Мужчина, похоже, водитель, держал за руку маленькую девочку, от силы лет восьми, что-то быстро ей говорил и явно подтаскивал к открытой двери машины. Девочка не то чтобы сопротивлялась, она колебалась, не знала, как себя вести. Это могли быть отец и дочь. Водитель мог увидеть ребенка знакомых и предложить отвезти домой. Да мало ли что! В чужие дела лучше не лезть, так обычно говорят. Тут Марине позвонил таксист, который должен был за ней приехать. Он сказал, что попал в аварию, но может сейчас позвонить диспетчеру, чтобы ей прислали другую машину: «Это буквально минуты».

– Нет, спасибо, – неожиданно для себя сказала Марина. – Я уже поймала такси. Удачи вам.

И она сделала несколько нерешительных шагов в сторону странной парочки у той машины. Если это на самом деле такси, то оно необычное: нет крупно написанного названия фирмы и телефона, как должно быть. У Марины опять разболелись ошпаренные пальцы, заныла спина, заломило в висках и страшно захотелось оказаться дома. Мимо проезжали пустые такси, а она как заколдованная шла к откровенной неприятности. Она уже отчетливо слышала голос мужчины, который говорил:

– Я же сказал, что куплю тебе мороженое, потом отвезу домой. Ты какая-то ненормальная. Ты что, не знаешь, что надо слушаться взрослых?

В его голосе явственно звучали нетерпение и раздражение.

– Я не хочу мороженое, я сама пойду домой, – голос девочки уже дрожал, как перед плачем.

Марина с ужасом увидела, что водитель грубо схватил ребенка за руку и почти втащил в открытую дверь машины. И Марина пролетела оставшиеся пару метров, придержала дверь:

– Одну минуточку. Я как раз ловлю такси. Вы свободны? Сможете меня отвезти домой?

– Нет! – сначала рявкнул водитель. – Мне нужно… – и резко оборвал фразу.

– Вам нужно отвезти ребенка? Это ваша дочь? Я согласна, поедем вместе, я слишком устала и замерзла, чтобы ловить еще кого-то. Потом отвезете меня.

– Я не его дочь, – пропищала девочка, с надеждой глядя на Марину.

– Это не моя дочь, – произнес водитель, с подозрением глядя на телефон, который Марина вытащила из сумки, сама не зная, что с ним делать и куда звонить. – Это дочь соседей. Да, хочу ее отвезти, она у них немножко не в себе.

– Я его не знаю, – всхлипнула девочка.

Тут мужик включил двигатель и собирался рвануть. Но Марина не дала ему закрыть заднюю дверь изнутри.

– Вы без меня не поедете, – решительно произнесла она. – Я уже набрала полицию. У вас на машине нет названия фирмы и телефона, мне срочно требуется такси, а девочка говорит, что она вас не знает.

– Да господи, – вдруг добродушно произнес мужик. – У меня машина только из ремонта. Немного не доделали. Говорю же, девка соседей, и она немного не в себе. Садись и ты, раз так приспичило. Какая еще полиция: мы все потом будем до ночи давать показания. А у тебя ко мне какие предъявы? То-то и оно. Садись, поехали. Говори адрес.

Какое-то время Марине казалось, что все нормально. Точнее, ей хотелось так думать. Водитель явно профессиональный: хорошо ориентируется в Москве, умело объезжает пробки. Наверное, на самом деле увидел соседскую девочку, которая забрела далеко от дома.

Она посмотрела на затылок ребенка, сидящего на переднем сиденье. На тонкой шейке лежала узенькая косичка. И она дрожала! Так девочка боялась!

Водитель легко нашел пустынный переулок, где стоял дом Марины. Она рассчиталась, но из машины не вышла.

– У меня такое предложение, – сказала она непринужденным голосом. – Давайте мы выйдем с девочкой. Как тебя, кстати, зовут?

– Надя, – девочка повернула к Марине бледное маленькое личико, на котором засияли надеждой большие карие глаза.

– Так, – произнес водитель сдавленным от злобы голосом. – Меня достал этот цирк. Или вылезай, или оставайся. Выкину тебя где-нибудь за Кольцевой. Нам с девчонкой далеко ехать.

Что было дальше, у Марины, кажется, навсегда стерлось из памяти. Она потом могла вспомнить лишь то, что машина, в которой были заперты они с Надей, мчалась в неизвестном направлении. И это было все меньше похоже на Москву. Ко всему стало уже совсем темно. Потом был момент, когда машина остановилась, водитель вылез и стал мочиться прямо у открытой двери, придерживая ее рукой. Марина, точнее, не она сама, а ее инстинкт, который жил сам по себе в скованном страхом теле, произнесла:

– Надя, быстро ко мне.

И сама помогла девочке перелезть на заднее сиденье, посадила себе на колени, одной рукой крепко прижала, другой достала телефон. Тут в машину влез их похититель и молча вырвал телефон из руки Марины. Выключил его и сунул себе в карман. От отчаяния Марина даже видеть перестала. Что делать…

Тип посмотрел на Надю на ее коленях и буркнул:

– Так и сидите, мне по фигу.

Но когда они промчались еще какое-то расстояние, Марина вдруг услышала папин голос, мягкий и в то же время очень уверенный. Когда она перестала быть маленьким ребенком, он говорил ей, как поступать, если кто-то, гораздо более сильный, чем она, ее обижает или угрожает.

– В таком случае не надо упрямиться и стоять на своем. Наоборот: постарайся проявить совершенно неожиданную для этого человека реакцию. Что-то расскажи, по-доброму пошути, очень доверчиво попроси. Это никогда не поможет, если человек плохой. Но ты так выиграешь время и что-то придумаешь. Ты же на редкость умный папин дочь.

И Марина непринужденно, даже весело заговорила с Надей.

– У тебя ладошки, как ледышки. Наверное, и ноги замерзли? – спросила она. – У тебя же резиновые сапожки. Боже! Ты без носков! Давай ты наденешь мои, шерстяные. Я обойдусь, у меня ботинки на теплой подкладке.

И они стали возиться с носками. В это время рядом появились несколько фур и стали их объезжать: грохот заглушал для водителя разговор на заднем сиденье. Марина спросила:

– А где твои родители? Почему ты оказалась одна?

– У меня только мама, – ответила Надя. – И она сейчас рожает. В роддоме. Я хотела туда пойти, ее навестить, но заблудилась. У меня нет денег.

Фуры проехали, и Марина нежно коснулась плеча водителя.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я даже не спросила, как вас зовут?

– Николай, – после паузы буркнул он. Наверняка это было неправдой.

– Очень приятно, Николай. Меня Мариной зовут. Тут вот в чем дело. Сейчас половина десятого. А у меня с мамой железный договор: если я задерживаюсь на работе до девяти вечера и она не может со мной связаться, то сразу звонит в

полицию. У нее уже там полковник знакомый есть. А я ей последний раз позвонила, когда ваше такси увидела. Сказала, где я, и номер машины. Она такая смешная, всегда спрашивает номер. Так что, если я ей сейчас не позвоню, она начнет обрывать телефоны полиции и вас в перехват объявят.

– Так, – сказал водитель. – Ты, скорее всего, врешь, но ты настолько паскудная баба и так мне надоела, что у тебя и мать может быть такой. Поэтому мы сейчас доедем до поворота, там через сто метров есть автобусная остановка. На ней я тебя выкину, и это без вопросов. А пока бери телефон и звони своей сумасшедшей старухе. Скажи, что у тебя все прекрасно. Просто в пробке застряла. Одно горбатое слово – и у тебя дырка в голове. Поняла?

– Конечно, – охотно ответила Марина, схватив свой телефон. Она его включила и в это же время под звук сигнала очень тихо шепнула на ухо Наде: «Попросись в туалет. Попи?сать. Он далеко тебя не поведет. Я тут, рядом».

Надя попросилась, Николай, или как его, вытащил ее из машины и велел присесть рядом с открытой задней дверью, чтобы слышать разговор Марины.

Марина без колебаний нажала вызов своего заказчика. Все-таки судьба заботится о женщине, которую сразу назвали «папин дочь». Ее заказчиком, тем самым, для которого она так искала сегодня одну совершенную деталь и который потом пришел в восторг от ее работы, был частный детектив по имени Сергей Кольцов.

– Мама, – сказала она ему. – Прости, что не могла раньше позвонить, я оказалась далеко, и вдруг связь пропала. Мы просто объезжаем одну страшную аварию. Где я? Точно не скажу, но вижу справа крышу крытого строительного рынка, где мы с тобой когда-то были. Там еще кладбище с другой стороны. Водитель очень хороший, он сказал, что вывернется через туннель… Да, номер тот, который я сказала, MN705… Водитель говорит: здесь недалеко есть автобусная остановка. Это в случае еще чего-то неожиданного. Ты только не волнуйся. Целую. До встречи.

Сергей в ответ не произнес ни слова, и это говорило о том, что он понимает: мужской бас не должен звучать в трубке. А у мам бывают очень тихие голоса. Тут Марина якобы уронила телефон и стала судорожно шарить по полу и под сиденьем. Машина страшно грязная и запущенная: должно же быть хоть что-то

для обороны. Хоть щепка какая-то. Интуиция опять не подвела: под задним сиденьем, которое было сломано с одной стороны, стояли какие-то ящики и валялись разные инструменты. «Из ремонта», как бы не так. Марина успела схватить молоток и сунула его себе за пояс джинсов.

В это время Николай уже вталкивал в машину Надю, пытался посадить ее на переднее сиденье, но девочка громко и отчаянно закричала.

– Да, черт с тобой, – сплюнул он. – Сиди с этой чокнутой, недолго вам осталось обниматься.

Все это время телефон Марины оставался включенным на связь с Кольцовым.

Вскоре показался поворот, а за ним и автобусная остановка. Ни на ней, ни поблизости не было ни одного человека. Боже, боже, что же делать?! Самое нелепое – достать молоток и попытаться им размахивать, чтобы испугать похитителя. Марина в жизни никого не ударила даже подушкой. Как ей поможет молоток? Он сам убьет ее этим молотком. И живую или мертвую легко выбросит из машины, но этого нельзя допустить. Она не может оставить Надю одну с ним. Когда появится какая-то помощь от Сергея, неизвестно. Марина понятия не имеет, насколько он хороший или плохой сыщик.

Перед остановкой Николай вышел, открыл заднюю дверь, отшвырнул Надю и схватил Марину за ворот куртки. Наверное, он был уверен, что выдернет ее из салона одним движением. Но Марина изо всех сил вцепилась в сиденье, а затем извернулась и прокусила до крови руку Николая. Он взвыл, грязно выругался, затем одной рукой схватил Марину за шею и стал душить, другой бил ее по лицу. Кровь заливала глаза и рот Марины, она не могла дышать. Но… невероятная вещь: Марина почти не чувствовала физической боли, только нестерпимо сильный пожар ненависти в груди. Николай ее почти вытащил, она цеплялась уже только ногами за спинку переднего сиденья. И тут случилось что-то немыслимое. Надя оказалась рядом с Николаем на улице и вместо того, чтобы бежать, изо всех своих силенок толкнула его сзади в поясницу. Он поскользнулся в луже с жидкой грязью и приземлился на четвереньки. И тут Марина сделала это. Никогда не поймет, как это получилось. Но она ударила Николая молотком по голове. И, вероятно, очень сильно, потому что он захрипел от боли и упал лицом в землю. Марина вышла из машины на ватных, холодных ногах. Она убийца. Ей нужно посадить девочку в автобус, убедиться, что та уехала, и срочно звонить в полицию и сдаваться.

Она нашла ручку Нади, сжала ее и попросила:

– Достань у меня из кармана платок, вытри мне глаза, я ничего не вижу. Сама не могу: не чувствую своего лица, оно как надутый резиновый шар. Где глаза, где кровь – не найду. Мы потом все сделаем. Ты поедешь домой.

Надя старательно поплевала на платок Марины, потом стала вытирать ее лицо от крови – осторожно и вполне умело. После этой процедуры Марина долго пыталась привести в порядок одежду: свитер разорван, брюки почти сползли. А когда она как можно шире открыла заплывшие глаза и осмотрелась, то увидела перед собой лицо Сергея Кольцова.

– Это правда ты? – спросила она. – Или я уже в коме с галлюцинациями?

– Смахиваю на ангела? – расплылся в улыбке Кольцов. – Мне многие это говорят. В каком-то смысле так и есть. Я с ребятами из отдела по тяжким преступлениям случайно оказался недалеко от места твоих боев. Сразу рванули. Ты молодец с этим телефоном, мы сразу все поняли. А когда ты меня мамой назвала, я прослезился. Честное слово. Если коротко и по делу, этот говнюк давно в розыске. Он когда-то был опером. Сел за изнасилование и убийство ребенка. Добрые товарищи помогли выйти по УДО, после этого еще несколько тяжких преступлений с детьми. У него и погонялово «Таксист». Уходил очень умело: опыта полно. Номера менял ежедневно.

– Я его убила? – спросила Марина.

– Моя ж ты дорогая, если бы это было так легко… Когда мы подошли, он уже встал со своей царапиной на башке и собирался тебя схватить. Вон, ведут в наручниках, рычит, сволочь. Девочку ребята отвезут домой. Она нам многое рассказала в деталях. Ребенок продвинутый. Я звонил: мать уже дома с новым братиком. Рыдает. Говорит, что завтра купит дочери мобильный телефон, и они все теперь будут ходить только вместе, включая новорожденного. Ты не переживай за Надю, мне показалось, что ее мама – очень добрая тетка, просто не без тараканов. И, возможно, без денег. А тебя я везу в больницу, вид у тебя страшнейший, первый раз такое говорю женщине.

– Сережа, я тебя умоляю, пожалуйста: домой. Я только там могу прийти в себя. Я согласна куда-то заехать, чтобы снять побои для суда. Конечно, я во всем приму участие. Но сейчас я могу умереть, если не лягу на свою кровать.

– Ладно. Отвезу тебя к эксперту Масленникову, он за минуты все оформит. И, главное: он не просто тебя поймет, но ему твоя неадекватность покажется нормальной. Но времени у меня в обрез. Криминал не дремлет.

Марина и Надя пошли к разным машинам, но девочка вдруг вырвала руку из ладони офицера и бросилась к Марине. Так крепко обняла, так горячо что-то шептала, что если бы Марина не теряла сознание от слабости, наверное, вцепилась бы в ребенка и потащила бы к себе. Но Сергей аккуратно их разъединил:

– Все, скажите «до свидания» и оставьте друг друга в покое. Неужели не устали за день? Завтра увидитесь. Если на то пошло, я сам привезу к тебе Надю. А пока пусть валит домой: братику сюрприз будет. Не каждому при рождении сразу так везет: не сестра, а фильм ужасов с доставкой на дом.

С экспертом Масленниковым все неприятности с осмотром и показаниями на самом деле прошли быстро и почти комфортно. И – да, Марина чувствовала, что ее понимают. Он обработал ее раны, сделал уколы от инфекций и болеутоляющие и дал с собой таблетки для сна.

Сергей привез Марину домой, довел только до ванной:

– Помойся, как сможешь, только в зеркало старайся не смотреть. И сразу спать: надеюсь, Александр Васильевич дал тебе качественные колеса. Телефон не выключай и положи рядом: утром у нас созвон. Будем вместе выбираться из потрясения и депрессии, без которых у тебя никак не получится. Это я по обильному опыту говорю. Ты слишком нежная для подобных испытаний.

– Нет, – слабо возразила Марина. – Я как раз папин дочь. Он хотел мальчика.

Но когда за Сергеем захлопнулась дверь, когда Марина совершила долгое и мучительное путешествие из ванной до кровати, она даже таблетки не стала пить: знала, что не помогут. Папин дочь терпит ужасный крах, и нет конца беспомощности, тоске и уверенности в опасности и жестокости этого мира.

Сердце то колотилось, то замирало, временами обещало разорваться. Электронные часы показывали два часа ночи. А она зачем-то без всякой цели взяла с тумбочки телефон. И опять, практически без участия сознания и воли, нажала один контакт.

– Да, – сразу произнес совсем не сонный голос бывшего мужа Кирилла. – Я слушаю тебя, Марина. У тебя ничего не случилось?

– У меня все случилось, Кирилл. Ты можешь сейчас приехать?

– Разумеется, – произнес он. – Уже еду.

И только после этих слов Марина поняла, что ни на секунду не допускала мысли, что рядом с Кириллом может быть другая женщина. Жена. Да господи. У него уже полно детей может быть.

Он вошел со своим ключом: Марина его не отбирала. Он не возвращал. Наверное, для такого случая: если что-то произойдет. Подошел к кровати, посмотрел на ее лицо-рану, осторожно поцеловал в плечо.

– Ничего, что я позвонила так поздно? – спросила Марина.

– Нормально. Я один, если ты об этом.

Той ночью Марина пила какао, точно такое, как готовила ее мама, – с пенкой из взбитых сливок. Кирилл запомнил. Он кормил ее с руки крошечными кусочками теплого тоста с сыром. А когда она неловко повернулась и застонала от боли, Кирилл не просто обнял ее, он окружил ее всем своим крупным, надежным и уютным телом. Только он мог снимать боль прикосновениями больших ласковых ладоней. Только ее боль.

И Марине на заре ее сороковника, рубежа женского прозрения и главных открытий, стало наконец совершенно очевидно одно. Женщине для полного покоя и высшей гармонии с самой собой нужен единственный человек. И он не обязан быть ни особенным, ни героем, ни гением, ни победителем. Он просто свой. Родной до каждой клеточки кожи, до следа запаха на рукаве пиджака. Его невозможно никем заменить, и он не может принять другую, ту, которая,

возможно, лучше и моложе. И при нем можно наконец заплакать от боли, которая вернулась. Зареветь, как при маме. Как для папы, чтобы поносил на руках. Кирилл ее и покачал в нежных ручищах, как своего обретенного младенца.

С утра Кирилл отпросился с работы и притащил продукты по списку Марины. Она встала и, пошатываясь, принялась готовить праздничный обед. Сергей Надю привезет после школы. Им двоим есть что праздновать: они живы.

Гости явились на час раньше, чем договаривались, но обед был почти готов. Сергей с непринужденностью и обаянием неисправимого нахала отобрал у Кирилла единственную бутылку пива, завернул в салфетку три «киевских» котлеты, несколько кусков хлеба и торжественно заявил:

– Едем брать «авторитета». Боюсь, он нас не покормит. Надю вечером забрать?

– Нет, – ответил Кирилл. – Я сам ее отвезу.

Надя ела с большим аппетитом, потом спросила: может ли она что-то захватить для мамы. После обеда они с Мариной пошли на кухню, где Марина разложила в судки все, что осталось от обеда.

– Надюша, я хочу тебе кое-что серьезное сказать, – произнесла она. – Мы очень сблизились во время нашего испытания. Ты показала себя прекрасным человеком. Ты ведь спасла мне жизнь.

– А ты мне, – радостно ответила Надя.

– Значит, мы в расчете. А теперь о серьезном. У меня очень напряженная работа, семья, которую я люблю. Дочь и мама сейчас в Болгарии, но мы на постоянной связи. Они – главные в моей жизни. У меня есть муж, как ты видишь. И я не берусь ни опекать вас, ни регулярно помогать. Мы с тобой друзья. Настоящие, проверенные. Ты просто должна знать: в случае беды ты можешь меня позвать, и я приду. Ты поняла, о чем я?

– Конечно. Чтобы я тебе не надоедала и не попрошайничала. Я и не собиралась, честное слово. Ты моя подруга. И если у тебя будет беда, ты тоже позови. Ты же

знаешь: если тебя кто-то обидит, я сзади как врежу. Он сразу мордой в грязь.

– Ах ты ж, моя дорогая, – обняла Надю Марина. – Защитница. В общем, по делу так: звони каждый вечер только сказать, что ты дома и как дела. Один раз, вечером звони. А когда у тебя день рождения?

– Через месяц. Я позвоню, чтобы ты не забыла.

– Я не забуду. Планшет подойдет?

– Ой. Да.

– Хорошо. Из одежды еще что-то присмотрю. Значит, звонишь только как договорились. Маме с братиком привет.

– Ладно. Значит, договорились.

Почти так у них и получилось. По договору. Надя звонит Марине не чаще пяти раз в день. Если не может дозвониться, набирает Кирилла:

– Эй, Марина пропала. Может, ее опять бандит украл? Если поедешь искать, возьми меня с собой. Без меня не сможешь.

По воскресеньям они втроем обедают. Потом Кирилл отвозит Надю домой. Всегда с пакетом для быстро растущего братика.

По вечерам Кирилл говорит:

– Это чудо какое-то. Мне не нужно уезжать в свою берлогу, куда ночами приходили тоскливые голодные волки и грызли мое сердце. В жизни можно совершить только один счастливый поступок. Вернуться. Если тебя позовут.

А Марина чувствует, что она вновь папин дочь. Никогда не поздно совершить безумство, впервые подраться, вынести нестерпимые боль, страх и победить. Иногда судьба посылает шанс вернуть того, единственного. Без него вроде бы проще было жить, но, как оказалось, он унес с собой такую огромную любовь, без которой может умереть все тепло жизни.

Грех на душу

Тот осенний день после долгих дождей вдруг ослепил ярким и почти жарким солнцем. Оно билось во все окна, призывало и томилось в лихом и отчаянном предчувствии конца. В двенадцать дня Антонина все еще бестолково слонялась по квартире, наблюдая, будто со стороны, как все валится у нее из рук. Она ощущала себя медведицей, которую выдернули из норы и теплого сна через пять минут после впадения в спячку. Впрочем, ничего необычного в таком состоянии для Антонины не было. Она работает почти каждую ночь. Бороться с этим уже бессмысленно. День слишком мал, узок, неудобен и набит помехами. В него можно втиснуть лишь дела, связанные с другими людьми и бытовыми преодолениями. А работа – собственно мыслительный процесс, созерцание всего в целом и деталях – требует полного уединения и отстранения. Ночи для Тони – вне времени и за пределами всеобщей реальности. Это просто ее мир, который нужно создавать, чтобы подчиняться его диктату и порядку.

Это всегда тяжело, но Антонина привыкла и в какой-то степени даже любила это сочетание необходимой, будничной работы с погружением в волны только своих догадок, тайн, развлечений. Она была из людей, которым для того, чтобы найти лучшую компанию, требуется спастись бегством от всех без исключения.

Впрочем, исключение постоянно терлось рядом: горячий язычок лизал руки, пушистое тельце льнуло к ногам. Это Степа, маленький, инфантильный метис корги с серо-голубыми глазами хаски и хвостом павлина. Этот его хвост – знамя настроения. В напряжении и тревоге он повисает пушистой трубой до земли, как у лисы. В спокойной и веселой ситуации укладывается пушистым локоном почти по всей спинке.

В этот яркий полдень обычного для Тони усложненного пробуждения ее беспокоило тревожное ощущение: как будто она что-то забыла, и это было нарушением ее строгого порядка ночной работы. Ах да. Этот рассказ. То ли шутка, то ли выходка. Надо перечитать и, возможно, отказаться от собственной странной идеи.

Антонина преподавала в литературном институте. Этой ночью она читала работы студентов, отбирая лучшие, чтобы отправить их на конкурс рассказов имени Чехова. Сюрпризов не оказалось, Тоня на них и не рассчитывала. Она знала, от кого можно ждать качественную добротную прозу, от кого – легкую, как пена, фантазию, от кого – привлекательное в своем ненавязчивом цинизме разоблачение идеалов и стереотипов.

К рассвету Тоня сделала выбор, набросала замечания для авторов. Зевнула, потянулась, сладко предвкушая ставший доступным сон. Он всегда в это время казался таким желанным, что они со Степой принимались растягивать ожидание. Погуляли по пустому двору, пили на кухне теплое молоко, потом долго искали розового слоника, озабоченно убеждая друг друга, что он мог убежать. Испытали восторг, обнаружив его под кроватью. Уложили его спать рядом с собой на кровати. И, засыпая под сладкое сопение песика, Тоня вдруг почувствовала, что работа не завершена. В ней не было ни капли творчества, одна техника. Она тихонько встала, чтобы не разбудить ни Степу, ни розового слона, и вернулась за стол. Открыла новый документ, написала возникшее в мозгу имя – Ася Степина – и название рассказа «Столичная штучка». И два часа провела в контакте с персонажем, который был и гротеском, и сатирой, и объектом Тониного беспощадного азартного расследования. Да, конечно, она знала, кто прототип, до того, как начала писать. Но она все виртуозно изменила, довела характер до отточенности и независимости самостоятельного анекдота, веселой издевки. И не забыла написать под заголовком, что все вымышленное. Это было необходимостью, ибо персонажем стала одна почти приятельница Тони, Арина Виленская. По крайней мере, Арина сама так считала – они приятельницы. Тоня просто не сопротивлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/okna-v-oblakah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить